

ЛИАНА ТУХВАТУЛИНА*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ**

ОТ КОНФЛИКТА «ПЕРСПЕКТИВ» К СОВМЕСТНОЙ АГЕНТНОСТИ

В своей статье Евгений Масланов стремится дать ответ на вопрос о том, обладает ли наука политической субъектностью, и в чем именно она состоит. Для достижения поставленной цели Евгений Валерьевич обращается к двум пониманиям природы политического, представленным в концепциях К. Шмитта и Ж. Рансьера. В случае Шмитта, политическое предполагает достижение единства и мобилизацию сообщества с целью противостояния экзистенциальному «врагу» (вплоть до его физического уничтожения). Рансьер (в интерпретации Е. В. Масланова) рассматривает политическое как пространство воспроизводства разногласий, в которое включаются все новые участники, что ведет к реконфигурации сложившегося социального порядка. Евгений Валерьевич считает, что оба подхода плодотворны для концептуализации политической субъектности науки, поскольку в них акцентируется не борьба за власть, а стремление к созданию «разрывов» в устоявшемся порядке. Их

как раз и формируют новые агенты, либо ставящие вопрос о том, кто в действительности является «другом» или «врагом», в «шмиттовском» подходе, либо выражая сомнение по поводу существующего единства в «рансьеровском». И именно в процессе этого конструирования различий и можно найти место для политической субъектности науки (Масланов, 2024: 343).

В этом ключе политическая субъектность науки исследуется в акторно-сетевой теории (с ее сетями взаимодействий, которые образуют человеческие и не-человеческие акторы), концепции пост-нормальной науки Фунтовича и Раветца, и, пожалуй, главным образом в связи с экспертизой. В финальной части статьи Е. В. Масланов заключает, что «техногенная цивилизация существует лишь благодаря тому, что

*Тухватулина Лиана Анваровна, к. филос. н., научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (Москва), spero-meliora@bk.ru, ORCID: 0000-0002-9390-9701.

**© Тухватулина, Л. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

учреждаемые наукой „перспективы“ рассмотрения и изучения мира используются ей для своего развития» (Масланов, 2024: 348).

Если принять предложение Евгения Валерьевича рассмотреть вопрос о политической субъектности науки сквозь призму идей Шмитта и Рансьера, то можно согласиться с тем, что некоторые ее особенности могут быть проиллюстрированы при помощи разработанных ими категорий. Так, коронавирус (на пике усилий по борьбе с пандемией) или климатические изменения могут быть обозначены в качестве «врага», источника глобальной угрозы для человечества, который попадает в фокус общественного внимания благодаря интерпретациям определенных научных теорий. В свою очередь, рансьеровскому понимаю политическое, видимо, отвечает способность науки воздействовать на ее аудиторию, побуждая к изменению сложившихся рутинных практик с учетом новых научных данных и вызывая при этом множество разногласий.

Мера «политического» влияния науки в этом отношении определяется множеством особенностей, включающих традиции, уровень образованности, специфику потребления информации и другие факторы, которые влияют на отношение к научному знанию в обществе. Однако, на мой взгляд, существенно, что все приведенные примеры связаны с экспертизой, специфическим сегментом научной практики, ориентированным на актуальный общественный запрос. Именно в связи с этим особым модусом существования современной науки можно говорить о ее политической субъектности. Достижение консенсуса по поводу экспертных решений в ряде случаев требует, чтобы экспертиза сопровождалась политической дискуссией, обеспечивающей представительство широкого спектра позиций. Эта функция экспертизы накладывает на ученых-экспертов дополнительные обязательства, которые отчасти выходят за рамки их научных компетенций и связаны с достижением эпистемической справедливости, признанием ценности локального знания, необходимостью заботиться о сохранении доверия экспертному знанию, прогнозированием и учетом возможных последствий реализации экспертных решений. Можно сказать, что экспертиза, ориентированная на эти цели, формирует пространство, внутри которого может возникать содержательная дискуссия, последствия которой будут влиять на жизнь сообщества и поэтому могут считаться политическими. Если признать, что наука в случае этой специфической формы взаимодействия с обществом приобретает политическую субъектность, то важно определить специфику этой субъектности.

Однако подходы Шмитта и Рансьера к определению политического представляются мне не вполне подходящими для этой цели. Несмотря на все различия, общей для них является установка на конфликтный характер политических взаимодействий. При этом конфликт (особенно для Шмитта) служит не согласованию интересов сторон, а утверждению суверенной воли через силовое превосходство. Такая рамка для политического не вполне отвечает тем вызовам, с которыми сталкивается экспертиза в современном мире, в том числе росту недоверия ученым и распространению дениализма, причину которых многие исследователи видят в утрате ценности политической дискуссии и ее вытеснении техническими процедурами (см., напр., Collins & Evans, 2019; Jasanoff, Simmet, 2017 и т. д.). В связи с этими рисками тезис о политической субъектности науки может приобретать нежелательный оттенок и использоваться в целях апологии экспертократии. Однако таких последствий можно избежать, если отойти от индивидуалистской трактовки субъектности, в рамках которой каждый актор в политическом пространстве преследует свои цели и, по сути, оказывается не готов к тому, чтобы подвергаться их изменениям в ходе кооперации с другими акторами. Индивидуалистский подход предполагает, что каждый из участников отстаивает свою позицию, которая не должна претерпевать изменений в процессе коммуникации с другими участниками. При этом участники заведомо не равны в своих возможностях: статусные привилегии, которыми наделены официальные эксперты, часто способствуют гейт-кипнгу — ситуации, когда к дискуссии допускаются лишь те мнения, которые готовы обсуждать ученые. Между тем, маргинализация иных взглядов не склоняет их носителей к согласию с официальной позицией, но лишь выталкивает их в поле дениализма, где развиваются альтернативные идеи, которые, обретая популярность, могут создавать серьезные препятствия для реализации экспертных решений.

Очевидно, что проблема недоверия экспертизе не может быть решена в общем виде, ее анализ требует обращения к конкретным экспертным кейсам. Однако на теоретическом уровне все же могут быть сформулированы некоторые общие соображения. Одним из тезисов, как мне видится, может быть переосмысление индивидуалистского подхода и обращение к идее совместной агентности участников экспертизы. Идея совместной агентности, предложенная Джоном Греко, предполагает следующие условия: (1) интенцию участия («мы»-интенцию); (2) корректировку планов каждого из участников; (3) интерактивность (согласованность действий участников); (4) взаимозависимость (никто из них не может

достигнуть цели в одиночку, или, по крайней мере, тем же самым способом в одиночку) (Grco, 2019: 104).

Джон Греко демонстрирует значимость совместной агентности для развития анти-редукционистского подхода к знанию-свидетельству (*testimonial knowledge*). Анти-редукционизм здесь предполагает самостоятельный эпистемический статус знания-свидетельства и его несводимость к совокупности эмпирических данных, которые используются для обоснования/проверки свидетельства (в противовес редукционизму). Добавим, что условием возможности совместной агентности должно быть доверие участников друг другу, которое в ситуации когнитивного разделения труда (например, когда взаимодействуют официальные эксперты и носители локального знания) требует единства морального и эпистемического доверия: (1) участники экспертизы полагаются на добрую волю друг друга (моральное доверие) и (2) рассчитывают на эпистемические совершенства друг друга (эпистемическое доверие). Именно такой подход в наибольшей степени отвечает специфике коммуникации сторон в рамках экспертизы, когда участники как носители различных «перспектив» не имеют возможности перепроверять свидетельства друг друга и должны полагаться на знание в том виде, в каком оно представлено в виде свидетельства. В случае с экспертизой анти-редукционистский подход к обоснованию знания-свидетельства приобретает особое значение. Описание коммуникации между участниками экспертизы как основанного на доверии обмена знаниями-свидетельствами позволяет избежать сразу нескольких затруднений в обосновании статуса экспертного знания. С одной стороны, оно помогает уйти от так называемого регресса экспертности: эпистемического затруднения, связанного с тем, что истинность и обоснованность экспертной позиции может быть подтверждена лишь другим экспертом, валидация экспертности которого, в свою очередь, также нуждается в экспертизе более высокого порядка и т. д. С другой стороны — и это важнее — подобный подход позволяет избежать упрощенного представления о целях и функциях экспертизы, согласно которому они сводятся к достижению единообразия мнений благодаря принятию позиции официальных экспертов в качестве консенсусной. В рамках такого представления экспертиза утрачивает статус особой коллективной формы познания: коммуникативная специфика экспертизы нивелируется, а экспертное знание фактически сводится к научному. Здесь все другие участники экспертизы теряют активную субъектность и предстают лишь «публикой», которая созерцает, но не соучаствует в процессе. В этом контексте основной задачей экспертов

становится убеждение других заинтересованных сторон в их собственной правоте для обеспечения легитимности решений, которые будут приняты на основе научных рекомендаций. Такое видение экспертизы проступает и в финальном фрагменте статьи Евгения Масланова:

Наука при помощи новых исследовательских полей создает пространство для принятия решений, влияющих на жизнь людей. А вот то, какие решения будут приняты, зависит от полученных учеными результатов. Конечно же, можно указать и на то, что сами ученые эти решения не принимают, а выбор делают политики. Однако, во-первых, выбор политиков в принципе не был бы возможен без деятельности ученых, а во-вторых, опирается на мнение определенной группы, которая сама себя репрезентирует как связанную с наукой, даже если ее оппоненты считают иначе (Масланов, 2024: 347).

Совместная агентность, основанная на доверии, предлагает альтернативу воспроизводящемуся конфликту как неизбежному следствию индивидуалистской интерпретации политической субъектности. В соответствии с индивидуалистским подходом, каждый из участников естественным образом стремится к тому, чтобы именно его «перспектива» стала общепризнанной. Борьба за монополию на «перспективу» и придает деятельности ученых-экспертов политическую коннотацию в шмиттовско-рансьеровском духе. Однако воспроизводство конфликта вовсе не гарантирует достижение консенсуса, который не был бы построен на принуждении к согласию с уже оформленной научной перспективой, а учитывал бы особую роль экспертизы как места согласования интересов, позиций и целей с ориентиром на достижение взаимоприемлемого образа общего блага. Конфликт «перспектив» может быть продуктивен только в том случае, если каждая из позиций претерпевает изменение и по итогу столкновения оформляется в общее консенсусное видение проблемы. Если же конфликт понимается лишь как способ утверждения «суверенной воли», то экспертиза как коммуникативная практика оказывается избыточной: оформление политических решений на основе рекомендаций ученых может происходить и без участия иных заинтересованных сторон, в технократическом стиле. Однако на материалах многочисленных ситуационных исследований в социальной эпистемологии было показано, что технократический подход далеко не всегда способствует эффективности экспертной политики и именно расширение участия не-ученых позволяет компенсировать некоторые его риски. Отсюда, в тех случаях, когда экспертиза имеет дело с высокой неопределенностью, ее скорее следует рассматривать как

место сборки вовлеченного гражданского сообщества, чем зону легитимации прямой экспансии науки в публичную жизнь. Такому видению скорее соответствует ориентир на формирование совместной агентности и критическая переоценка конфликтной интерпретации природы политического.

ЛИТЕРАТУРА

- Масланов Е. В. К вопросу о политической субъектности науки // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 339–351.
- Collins H. M., Evans R. Populism and Science // *Эпистемология и философия науки*. — 2019. — Т. 56, № 4. — С. 200–218.
- Greco J. The Role of Trust in Testimonial Knowledge // *Trust in Epistemology* / ed. by K. Dormandy. — New York, London : Routledge, 2019. — P. 91–113.
- Jasanoff S., Simmet H. R. No Funeral Bells : Public Reason in a “Post-Truth” Age // *Social Studies of Science*. — 2017. — Vol. 47, no. 5. — P. 751–770.

.....

Tukhvatulina, L. A. 2024. “Politicheskoye izmereniye ekspertizy [The Political Dimension of Expertise]: ot konfliktka ‘perspektiv’ k sovmestnoy agentnosti [From Conflict of ‘Perspectives’ to Collaborative Agency]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 373–378.

.....

LIANA TUKHVATULINA
PHD IN PHILOSOPHY
RESEARCHER

INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF RAS (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-9390-9701

THE POLITICAL DIMENSION OF EXPERTISE FROM CONFLICT OF “PERSPECTIVES” TO COLLABORATIVE AGENCY

REFERENCES

- Collins, H. M., and R. Evans. 2019. “Populism and Science.” *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 56 (4): 200–218.
- Greco, J. 2019. “The Role of Trust in Testimonial Knowledge.” In *Trust in Epistemology*, ed. by K. Dormandy, 91–113. New York and London: Routledge.
- Jasanoff, S., and H. R. Simmet. 2017. “No Funeral Bells: Public Reason in a ‘Post-Truth’ Age.” *Social Studies of Science* 47 (5): 751–770.
- Maslanov, Ye. V. 2024. “K voprosu o politicheskoy sub”yektности науки [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]” [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3): 339–351.